

ПРЕЗУМПЦИЯ СОКРОВЕННОГО

Консерваторские лекции Александра Викторовича Михайлова сразу же, с момента первого появления ученого перед аудиторией, наполнили светом и смыслом интеллектуальную и духовную жизнь его верных слушателей, среди которых были и авторы двух статей, публикуемых ниже. Александр Викторович пришел в консерваторию потому, что, как немногие среди филологов, понимал роль музыки в культуре и значение труда музыковеда для развития гуманитарных наук. Он пришел, потому что не мог не огорчаться невысоким уровнем гуманитарной культуры большинства музыковедов, их цеховой замкнутостью, а иногда — нежеланием выходить за рамки «узкой специализации». Но, может быть, более всего раздражала Александра Викторовича входившая в то время (кон. 80-х гг.) в моду «культурологическая» нахватанность, заменявшая широкий культурный кругозор, страсть побираться идеями у коллег-гуманитариев, вместо того чтобы мыслить самостоятельно, опираясь на собственный материал. Ученый европейского масштаба, человек, живший в культуре и культурой, А. В. Михайлов явил нам высокий образец размышлений о музыке, редкой, несвойственной большинству музыковедов-профессионалов, чуткости к скрытым в ней слову и смыслу. На наших глазах Михайлов наполнял смыслом само ремесло музыковеда, и это не могло пройти даром.

Слушать Александра Викторовича было порой непросто: он говорил о трудных вещах и не был блестящим оратором; его мысль часто ходила «кругами», иногда в ней ощущалась недосказанность и недоговоренность, словно сам ученый был еще озадачен какой-то загадкой. По ходу этих лекций рождалось то, что затем воплотилось в замечательные статьи о музыке, или не воплотилось в них... Лекции

А. В. Михайлова врезались в память не стройной последовательностью мысли и логичным планом, но скорее отдельными фрагментами, замечаниями, озарениями. Каждый был поражен чем-то своим, и было бы интересно собрать эти воспоминания воедино, сложить из ярких стеклышек мозаику нашей памяти.

Один из подобных эпизодов и послужил стимулом и отправной точкой для наших статей. Это была первая лекция, которую Александр Викторович читал в 23 классе консерватории по приглашению проф. В. Н. Холоповой. Речь зашла о смысле и значении слов нашего языка. Со свойственной ему неподражаемой иронией Александр Викторович издевался над советским канцелярским стилем с его бесконечным использованием слова «является», а затем — прочел первую строфиу стихотворения Пушкина «Я помню чудное мгновенье...», и полуустершееся слово заиграло новыми, удивительными красками. Мысль слушателей, завороженных случившимся на их глазах нечаянным чудом, пошла в разных, едва ли предполагавшихся здесь салам Александром Викторовичем, направлениях. Один из присутствовавших подумал о тайне слов, сокрытых и явленных в музыке (продолжая давние собственные размышления, столь близко соприкасавшиеся с мыслями Михайлова, которыми тот делился на своих лекциях); еще один, вспомнив этот случай спустя много лет, задумался о феномене культурно-исторического перевода...

Любопытно, что в самой последней своей статье — «Поэтические тексты в сочинениях Антона Веберна» — Михайлов возвращается к пушкинской строфе, сопоставляя ее со строкой Ст. Георге «Entflieht auf leichten Kähnen» («Ускользайте на легких челнах») — трудным, по словам Михайлова, текстом, смысл которого закрыт от понимания и лишь приоткрывается для него. Текст Пушкина тоже загадочен, однако вспыхивающий в нем свет смысла, внешне столь простого и очевидного, заливает собой, скрывает все таинственное и трудное, что есть в нем, создавая у читателя XIX века ощущение естественности и непосредственности искусства, понятности и доступности его текстов¹. Рассуждение Александра Викторовича, сохранившееся в опубликованной статье, не было непосредственным продолжением его размышлений о затолканных словах, первозданную полноту смысла которым возвращает поэзия (размышления эти сохранились в памяти слушателей); просто, по-видимому, пушкинская строфа озадачивала А. В. Михайлова, не давала ему покоя. Лишь небольшой мостик между этими двумя фрагментами мысли — слово «явилась»: размышления о явленности и сокрытости смысла в их

загадочной сопряженности занимали ученого и в начале 90-х годов, когда он читал свою первую консерваторскую лекцию. «...Мы могли бы задаться вопросом о том, что значит “чистая красота” и почему этот философский термин попадает в поэзию. А кроме того, зная о бурной истории понятия “гений” на протяжении XVIII и начала XIX веков, мы могли бы озадачиться вопросом о том, в каком смысле понимает здесь поэт слово “гений”»². Позволим себе предположить, что эти вопросы существовали для А. В. Михайлов не только в сослагательном наклонении...

Что думал по этому поводу А. В. Михайлов? Было ли у него на этот счет сформировавшееся мнение, или интуиция, или он просто намечал направление возможных дальнейших размышлений (быть может, по своему обыкновению, надеясь, что необъятную задачу осмыслиения истории культуры в ее бесчисленных проявлениях разделят с ним его коллеги, в том числе молодые)? Нам не дано знать этого. Мы никогда не узнаем, что же думал Александр Викторович о смысле слова «гений» в стихотворении Пушкина «Я помню чудное мгновенье...». И кто знает, чего еще нам не узнать никогда.

А. В. Михайлов оставил нам огромное, поистине необъятное наследие, многое из этого наследия нам еще недостаточно хорошо известно. Велик соблазн поскорее разобраться с перешедшими к нам в руки текстами, все выяснить, привести в систему, создать стройную картину взглядов ученого и его идей к истории культуры; затем эти идеи изложить, применить, развить... В нашей научной среде все это, наверное, неизбежно, и поэтому в ближайшем будущем можно ожидать появление многочисленных «специалистов по Михайлову», возникновения «михайлововедения» как особой отрасли науки и т. п. Вы еще не знаете, что считал А. В. Михайлов по данному поводу? Сейчас мы это узнаем, установим с полной научной достоверностью. Мы будем знать Михайлова лучше, чем он знал сам себя.

Правда, однако, заключается в том, что А. В. Михайлов был трудным мыслителем, не спешившим выдавать нам простые и однозначные заключения в легко усваиваемой форме. В жизни он был приветлив и доброжелателен по отношению к своим коллегам; его тексты — о чудо! — написаны таким живым и естественным языком. Отсюда может возникать ложное впечатление близости к ученому, проникновения в сокровенные тайны его мысли (как кажется простой и понятной знаменитая пушкинская строфа; как естествен непосредственный жест — желание потрепать Пушкина по плечу: «Ну что, брат Пушкин?»). И все же, несмотря на огромную величину наследия

А. В. Михайлова, в его текстах остается очень много умолчания и недосказанностей. Вспоминая фигуру Александра Викторовича последних лет его жизни, увенчанную белизной седых волос, кажется, что видишь айсберг, подводная часть которого не знает своей меры. Нам еще предстоит осмыслить глубину того, о чем умолчал ученый. Но для этого молчание и тайна должны иметь презумпцию смысла. Собственно, за эту презумпцию сокровенного и боролся Александр Викторович при своей жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Михайлов А. В. Музыка в истории культуры*. М., 1998. С. 136—139. На текст Георге написан одноименный канон А. Веберна для смешанного хора *a capella*, оп. 2.

² Там же. С. 138.